

СТАТИКА ПРОТИВОБОРСТВА ЗЛУ

Рассмотрим ещё один вариант извода этого образа, относящийся по официальной его атрибуции к провинции Новгорода 15 века. По некоторым данным этот образ находится в запасниках Русского музея, - или в узилище музеума русскости, - ещё один образ национальной православной святости, насущнейшее иконное изображение противостояния злу – заточено, со-хранено (от нас?) и пребывает в безвестности. Сложно найти это изображение даже и во «всемирной информационной паутине». Нет этого образа в постоянной экспозиции, не выставляется он и на обозрение почтеннейшей и любопытствующей публике, сложно обнаружить этот образ в каталогах, в распространённых репродукциях. Мы и не знали бы о нём ничего, если бы ни... случайная почтовая рекламная открытка в музейном киоске. Не задаваясь целью научных исследования, но в очередной раз оправдывая себя самой формой наших рассуждений, успокоимся и дозволит себе рассуждать о иконографии не по живому со-прикосновению с живописным образом, но по его вот столь чахламу имиджу, позволяющему уловить лишь самые общие черты... по открытке, которая не вмещает на себе образа целиком, частично обрезает иконные поля из необходимости следовать дизайнерскому замыслу автора офсетного макета... По этому обрезку мы – дерзнём рассудить об иконе, усилимся рассмотреть её и осмыслить по мере сил. Бывали пред нами образы и в куда больших утратах... Успокоим себя – и приступим к иконе, к ре-продукции её образа.

Не станем говорить о видимом нами слишком уж детально, остановимся преимущественно на том, чем она привлекла наше внимание, что видится столь важным к восприятию и к уяснению перед этим образом. Чем он отличен от иных изводов и «Чуда святого Георгия о змие». Мы говорили неоднократно, что отдельные образы Чуда о змие можно бы под-разделить на несколько статичные и на образы, исполненные внутренней и про-явленной динамикой. Не станем вновь перечислять изводы, но упомянем об их существовании. Образ, находящийся перед нами теперь представляется весьма статичным и очень показательным. Попытаемся отметить его особенности, не систематизируя. Итак, - огромное изображение коня и витязя на нём. В описании иконы указаны размеры: почти метр сорок сантиметров высотой и почти метр в ширине, - статный, размашистый, вполне монументальный образ. Это очень крупный, могучий, воистину – воинствующий образ, - размерами подходящий к величине главной иконы какого-то храма, освящённого в честь святого Георгия, пожалуй, даже и превышающий привычные размеры храмовой иконы. Образ действительно – зовущий и утверждающий в противоборстве. Огромный конь, огромный витязь, - соразмерно им изображение дракона.

Итак, что же особенного здесь, кроме физической величины, видимого могущества образа. Фигура коня находится, скажем так, на стыке изображённых фонов – сред. Мы почти не видим на иконе горизонта, линии, разделяющей фоны: позём и небесный лазоревый колер. Воинствующий на зверя конь – обузданный и управляемый витязем плоть – воссоединяет собою символы небесного и земного – и проявляет собою действие этого воссоединения. Мы не говорим здесь о символе двуединства природ во Христе – речь не о том. Но о свойствах твари, обращённой, как в небо, так и в противно-положную от небес сторону. Противо - положность неба и земли – обуздана фигурой святого Георгия и управляется к противно-борству со змием. Фигура белого коня – близка своей цветовой гаммой и голубовато-зелёному, светлому фону небес, и к охристо – светлому нежному цвету позёма.

Зло – змий – является внешним явлением по отношению к видимой нами твари, - змий про являет себя, выползая из некоего под-земельного пространства своего обиталища и вцепляется в земную персть когтями, усиливаясь удерживать чужое, чуждое ему, ино-природное зло. Цвет, которым написан змей – иноприроден и цвету небес, и цвету позёма. И сам дракона – змий, безусловно, в цветовом решении и в соответствующем Богословском осознании – не свойственен ни небу, ни земле. Это отпавшее от Бога существо – способно

лишь подражать, - дьявол – обезьяна Бога, - как не вспомнить этой Богословской сентенции. Змий явно «обезьянничает» - явно подражает и земле и небу, пытается изобразить, уподобиться, как небу, ангелу небесному, так и земле и самому витязю противостоящему. Видим, как уподобляющийся противоборствующему воину змий – цепко впивается когтями в позём, в нижний повал иконного ковчега, - наступает лапами на нижнее иконное поле и не выпускает из когтей того, что хочет присвоить себе, того, что как бы принадлежит ему по праву действенной необоримой захватнической силы. Выползает змий из своей норы... цвет этой норы вполне близок цвету небес, - обратим внимание на эту деталь. Но в цветовых подражательствах цвета змия никогда не найдём полного соответствия с предметом подражания, - всегда заметны нюансы, отличающие и внятные, стоит лишь присмотреться повнимательнее. Чуть более притенены тона цвета «норы» и при внешней близости – исчезает сочетание этого едва заглублённого, затенённого, «огреховленного» колера уже и не лазеревого вовсе – не прительствующего с цветом небесным.

И вот ещё замечательно в этом мимикрирующем, обезьяннем «уподоблении» змия. Со-отнесём формы тела чудища с формами иных изображений на иконе. Глава змия вознесена и противостоит главе коня. Глаза в глаза глядятся эти головы. Шея змия, взметнувшийся от земли змиев дух – до нюансов – точно копирует, повторяет вознесённую в противоборстве правую руку витязя, вооружённую копьём. Тот же изгиб, тот же взметнувшийся ввысь контур дерзкой рычащей главы змия – и правой воинствующей руки воина. Достанет ли у кого-то невежества как-либо уравнивать и со-отнести в единых суждениях, как равно – направленные, как равно – ценные – эти жесты, смешать в своих суждениях внешние проявления воина и змия, проявленные столь схоже... Да не искусимся нечестивым сравнением, не под-дадим своих помыслов змию соблазняющему нас этим лживым уподоблением. Сущностно – против – положны противоборствующие.

Заметим, что правая рука воина не сжата плотно, - это свидетельствовало бы о том, что именно рукою своей наносит удар копьём. Оружие воина вложено в десницу и действует как бы самостоятельно, благодатно, не подвижно одной только внутренней мощью святого. Орудует копием в руке воина – Сам Господь. Вместе с тем, левая рука витязя напряжена и с усилием натягивает удила конской сбруи, - одерживает коня и управляет им в боевом противостоянии. Итак, сочетающее в себе земное и небесное – плоть коня – обуздывается и направляется в противостоянии подвижнической могучей рукою воина. Это Богословское выражение противостояния злу нами замечалось уже неоднократно - повторено и в этом изводе образа. Расслабленная, молитвенно вознесённая правая рука позволяет копию действовать – не скажем, что само-стоятельно, не зависимо от руки воина... не скажем о том, что сила Господняя свершается здесь в некоей немощи. Напротив того, - могучая рука воина обретает со-действие и необоримость в силе Господней – и со-действует со-воительствует святости Георгия – Бог. Не одной только силой воина одолевается или одерживается в противостоянии сила змиева.

Отметим ещё некоторые иконографические факты ложного и соблазнительного «уподобления» змия противоборствующему Георгию и силам Господним, - факты, разоблачённые символикой иконы. Змий, повторимся, в трактовке святых отцов – обезьяна Бога, то есть, желая быть бес-подобным, сам лживо уподобляется Богу, Который ищет подобия Себе в человеках, сотворённых по подобию Божьему. Итак, левая задняя лапа змия – внятно уподоблена формой и даже размерами – левой одерживающей руке витязя. Левая рука Георгия управляет конём - свободной, покорной, управляемой, воинствующей, противостоящей злу – силой, сочетающей в себе земное и небесное. Левая нога змия в абсолютно схожем жесте – вцепилась в позём. Вот уж – точное определение - определение способа вида и формы воздействия безличного зла на тварный падший мир. Так же, как и сила, данная Богом – правит, управляет плотью и тварью, миром тварным, пребывая в нём, так же и внешняя, чуждая сила, отпавшая от Бога, противоборствуя Творцу

– теми же видимыми формами вцепляется в тварь, не к тому, чтобы управлять ею, высвобождая творческую свободу... но поработав её, под-чиняя своему бес-чинству, - вонзает свои когти - кровавые, цепкие чёрные, стиснутые в немилосердной мертвящей хватке. Крылья дракона – точно и в гипер-трофированно увеличенном виде повторяют форму крыльев ангела, нисходящего на главу витязя, увенчивающего святого змееборца – неким венцом. Что это за венец? Сложно разглядеть на репродукции... Это ли венец мученика – свидетеля Христова, одерживающего зло в борении, в невозможности безраздельно властвовать и зло-действовать на земле святых до скончания времён, до пришествия Спасителя, - венец мученического подвига в противо-стоянии, пре-одолении зла... Это ли венец царского служения Удерживающего... Венец – вос-полняет нимб святости вокруг честной главы воина. Столь ли принципиально важно было различить эти венцы в 15 веке: мучение за Христа и во Христе – мученичество, как свидетельство о Христе своим святым деятельным борющимся преподобием...или мученический подвиг устроения земли, персти, тварного мира – в противоборстве злу... Царь ли пред нами в образе святого Георгия? Святой воин – мученик в образе Христа? Можно ли рассмотреть на венце крестчатый нимб или некие следы орнамента? – судили бы о том более обоснованно, имея перед собою оригинал иконы, - по репродукции не сказать утвердительно. Если венец Христов – нисходит на мученика, пре-подаваемый Спасителем... - воистину перед нами образ мученика в подвиге Христоподрожательного уподобления. Уподобляющийся Христу святой – в борении с противостоящим злом.

Мы упомянули крылья дракона – змия, - они не имеют наверху – верхние окончания змиевых крыл сокрыты телом коря, находятся позади коня, позади управляемой святым земной персти и как бы зрительно – не могут взлететь эти распостёртые драконьи крылья. Не видно завершения духовных устремлений этого необратимо падшего зверя, падшего духа, - затенены они тварью – конём, управляемым к противостоянию. Навершия крыльев ангела, несущего венец, – расположены в верхней части иконы: левое крыло – в ковчевой части, правое крыло – в иконном поле и максимально приближено к нам. Итак, в верхней части образа к пред-стоящему перед образом при-ближено крыло ангельское, в нижней части образа – когти дракона, вонзающиеся в иконное поле, продолжающее позём. Цвет крыл дракона и цвет алого плаща святого Георгия. Плащ – обрамляет честную главу воина и выстилает основание нимба. Этот же цвет – наполняет драконьи крылья, уши, лапы, вцепившиеся в нижнюю часть позёма.

Вновь напомним высказанное нами прежде суждение о символике «физических» иконных пространств в устроении иконы: ковчега, повала (лузги) и поля, обрамления. Ковчег – собственно сакральная, почти неприкосновенная, несколько отдалённая от нас и сокровенная при внятной открытости образа святая-святых. Собственно символ – образ, не прикасающийся к нам физически. Поле - зона соприкосновения образа с внешним вне-иконным вне-образным, без-образным? – пространством, стремящим при-общить себя к образу, образовать, во-образить себя... В поле иконц часто пишут святых, предстоящих образу, из-ображённому в иконном ковчеге. В поле могут выходить, рас-пространяться отдельные части ковчежного из-ображения, имеющие особенный символический смысл, как некоей взаимо-связи иконного символа и окружающего образ пространства. Повал ковчега – видимая грань, плавно и не явно, не непреодолимо - от-деляющая область сакральную – область Ковчега и поле – область физического со-прикосновения с образом...

Правая лапа дракона повторяет форму нижней части драконьей шеи и форму плеча святого Георгия. Этот контур – «силовой вектор» в образе святого воина – возносится, продолжается предплечьем и его десницей с копием. Это же направление – раздражительно Георгию - продолжено от правой лапы дракона его шеей и головой. Рассмотрим узор, орнаментально вписанный в извивы драконьей плоти в районе хвоста, шеи. Эти затейливые извивы прописаны несколько притенёнными белилами и вполне повторяют почти что

декоративную форму венцов лещаток на плоти земной. И здесь – лживо уподоблен дракон, - завитушки, украшающие его тело вполне напоминают нам и относят к затейливым извивам красоты, увенчивающей духовную лестницу на поверхности лица земли. Эти орнаменты похожи и на белильные узоры мандорлы, вместившей фигуру Спасителя в левом верхнем углу иконы.

Интересно седло витязя. Огромное седло – накрывает участок попоны коня, написанной тем же цветом, что и плоть змия. Сверху этой попоны – алая поверхность огромного седла – царственный трон святости, противоборствующей злу. Символ властного и право-правлящего подвига – покрывает цветовой символ зла, лёгшего на поверхность тела коня, на поверхность мира, разлеяющего подвиг воина и обузданную воинствующую тварь. Алый трон – вос-соединяет змееборца и коня, покрывает и преодолевает всяческое символическое, онтологическое раз-деление между святостью подвига и миром.

Заметим уподобление в цвете крыл змиевых – цвету плаща святого воина Георгия. Тот же цвет, отнюдь не только лишь для одного художественно - эстетического цветового баланса и гармонического уравнивания целостной композиции. Безусловно, такая задача преследовалась художником, но здесь перед нами пример внятного символа ужасного подражания змия – ангелу. Противник Божий – противится Богу, уподобляясь Ему, а точнее - извращая это уподобление, «обезьянничая» в преподобии. Это извращение уподобления - и есть признак люциферианства – светоносного зла тёмной падшей звезды. Заметим: размах крыльев змия – куда как шире, пространнее, велико-лепне крыл ангельских... некогда – любимый ангел, ближайший Творцу.

Открыта зубастая пасть, зло ослабилась на голову коня. Лицом к лицу – встречаются конь и дракон. И если бы ни копие, пронзающее эту пасть – был бы ужален конь, был бы он ранен беспощадно, был бы, быть может, растерзан и умерщвлён. Одерживает от победы взметнувшегося зла – копьё опущенное в эту пасть, погружённое в это огненное жерло. В иконе не отыскать никаких признаков умерщвления, гибели могучего дракона. Длится противо-стояние, противо-борство – замерло в своей внутренней напряжённой статике, в нескончаемом течении, - образ свидетельствует о дряхлеющей схватке. Нет никакого торжествования победы, - есть лишь свидетельство о неизбежности её, - венец Божий – возлагается на главу витязя, одерживающего дракона.

Алый боевой плащ, взметнувшийся на лазоревом фоне, несколько подобен формой белому плащу ангела. Почти совершенно точно – повторяет очертания форм тела коня, - не таков ли символ одухотворения схватки. Заметим эту деталь этого образа, который при внимательном, любовном и любо-пытном рассмотрении – являет бесконечную череду аналогий, со- и противно – поставлений знаков, аллюзий. Образ плаща и образ коня. Мы высказались, о том, что фигура коня написана и символически - находится в области соприкосновения горнего и дольного, небесного и земного, небес и позёма в иконном ковчеге. В начинающемся взлёте коня – прочитываем некое зарождение воинствующего подвига, решимость к противостоянию со злом. Двигается к противостоянию и противно – борствует управляемый всадником конь, образ управляемой, взнузданной твари, противостоящему дракону, внутри иконного ковчеха – символически уподобляется взметнувшемуся плащу святого Георгия. Плащ, нарочито и символически очень значимо - повторяет очертания тела коня, конфигурацию его ног, крупа, изгиб его тела, начинающего движение от земли. Конь – опирается на позём, в который вцепился змей, в лёгком и достаточно статичном, едва намечающемся движении – его фигура. Форма этого движения, само начинание этого противостояния, этого восстания на дыбы пред лицом зла – усиленно, развито и крылато – взметено формой алого плаща-воскрылия на небесном фоне. Святость

противостояния, царственный пурпур подвига – вот что прочитываем в этом символе – одухотворения самой решимости на усилие противостать злу.

Могучая фигура витязя не напряжена, но вполне статична. Практически параллельны линии копья, вонзившегося в пасть и ремня стремени, на которое опирается стопа воина. Поддерживает себя воин в непреклонной статике противоборства струною стремени, от этого стояния в стремени со-держится и направляется в пасть змия – удар копья. Параллельны и противонаправлены эти силовые векторы контуров: самоудержания, самоограничения, самостоятельности воина... и удара, разящего, достигающего цели, проникающего в змия.

В этом образе мы находим, как это часто бывает в различных изводах образа Чуда о змие, – совмещение и причудливое переплетение изобразительных планов композиции: переднего, задних. Расположение планов очень различны и не описываются каким – либо общим правилом, но, несомненно, совершенно лишены случайности и несут определённые философско – Богословские смыслы для иконного видения и прочтения символа. Очень своеобразно со-отношение планов и в этом образе. Ноги дракона выходят на передний план в нижней части иконного изображения, – когти вонзаются и стискивают поле иконы прямо перед нашими глазами, вблизи нас. Можно сказать, что позём – максимально приближенный к нам мир – в лапах дракона, – во зле лежит, как некая добыча зверя, которую тот усиливается отторгнуть от нас, если мы сами – против – стоим злу. Ноги коня перекрывают контур змиевой шеи, что физически противоестественно по отношению к расположению драконьих лап на переднем плане. Должно бы и шее дракона выйти на план передний, – этого не случается в образе. Видимая «противоестественность» вполне символична, – как это может произойти в видимом мире? Образное пространство – область чудесного. Как противостоящий змий не проявляет себя на переднем плане уже в области противостояния. На первом плане – лишь область под-властного, захваченного позёма, на первом плане – и область возвышенного над землёй противоборства воина и коня. В пространстве противостояния ноги коня – выходят на передний изобразительный план. И голова коня и егогрудь – на плане переднем. Голова змия пронзается несколько дальше от нас, словно бы мы от-горожены, за-щищены – находимся за щитом, под за-щитой от змия самим фактом этого противоборства. Заслонены конём от нас и от своего образного проявления – и навершия крыл дракона.

Нижнего иконного поля касаются и задние ноги коня. В области правого иконного поля распространён конский хвост, – мы не видим этого на репродукции и можем лишь догадываться, как и том, что левое поле соприкасается со змиевой шеей. Написан ли Крест в навершии копья, – не видим этого, но догадываемся, что написан, собственно Крест – разящее оружие в правой руке воина – одерживает змия в противостоянии. Мандорла Господа в левом верхнем углу образа – не выходит в иконное поле, не распространяется сакральная живописная область за пределы иконного ковчега. Сокрыто сокровенное внутри образного ковчега, область невидимого, открываясь нашему образному восприятию, не соприкасается с нами, – открывается в символе. Но: верхняя часть крестчатого нимба Спасителя, благословляющего схватку – выходит в пространство верхней части иконного поля! Святость Христова – доступна и приближена к нам, не сокрыта во внутреннем образном ковчеге, рас-пространена к нашему уверению, к нашему утешению, к нашему обретению сил для подобного противостояния видимому злу и невидимому врагу Бога и рода человеческого.

Отметим ещё мощные латы и богатырскую статью воина – змееборца. Могучие руки, широкие плечи, огромные доспехи, защищающие рамена и грудь. Внятным косым крестом – перевязь на зеркале нагрудного доспеха. Доспех, защищающий центральную часть груди расположен точно на центральной оси, в верхней четверти иконы в самом физическом

центре, являет собой некую точку сборки отдельных частей, знаком статичности всего иконного изображения. Даже не лик воина составляет этот центр, но символ щита на его груди. Перевязи – нагрудные ремни, выходящие косым крестом, словно бы распространяют устойчивые «силовые линии» этого доспеха и общего состояния видимой статичности образа – длящегося, длительного во времени – до скончания века - противоборства. Эти линии, распространяясь далее – почти касались бы нижних углов иконы. Защиты плеч – столь же не сокрушимы. Внешняя физическая стать воина – подчеркнута и акцентирована образом. Важным представляется и изображение нижней части доспеха, надёжно защищающего чресла. Нижняя часть доспеха составляет точную горизонтальную линию, буквально разделяющую иконное пространство на две равные части. Это символ защищённости, самой возможности противостояния злу в несокрушимом воине. В изображении нет образного «горизонта», нет этой линии, но чёткая линия защиты чресел, отделяющая верхнюю часть иконы и часть нижнюю. Последнее утверждение, быть может, несколько надуманно, но мы изложили и его. Заметим, что цвет хитона святого Георгия соответствует цвету хитона ангела и очень близок цвету небес, символически прочитываются, как бы некоей «материализацией» небесно – лазоревого духовного свечения. Вместе с тем, этот цвет почти точно повторён в цветовом наполнении змеиной норы. Цвет боевого доспеха очень близок цвету позёма и этот же цвет – в живописной раскраске головы змея. Близкие цвета и сама эта близость отнюдь не случайна, увидим ли, почувствуем ли этот символизм.

Область невидимого – область сил Господних облачает фигуру противостоящего воина: во Христа креститесь – во Христа облекостесь. Облачённый во Христа воин противостоит и одерживает зло. Кто этот воин? Мученик? Князь великий? Государь на Руси? – так ли уж это важно... Возможно ли на неких примерах в окружающей либо пережитой действительности определить символ, положить невидимому видимый предел, одно-значно со-отнести символ с про-явлением духовной реальности.

15-й век, Новгород, провинция – прочитываем в атрибуции образа. Можно ли назвать провинциальной столь глубокое проникновение автора на недостижимую высоту символического Бого-познания. Уже ли провинциально и вторично, несущественно, недостаточно значимо для постоянной, пусть музейной, - экспозиции перед нами - такое образное видение мастера иконописца. Столь высок здесь образец - ведения и от-ображения всей глубины выношенного, выстраданного, вымоленного противоборства, противопоставления, статичного противупора злу Богоданной крепостью человеческих усилий. Несомненно, в обители светлой неведомый нам изограф – Боговидец.

Меж небом и дном, восторжен и бел, - воинствует Конь
И Витязь на нём, - в отверстую пасть ужасного змея
Копьё погрузил, - дракона язык, ужалить не смея,
По древку скользит, - вливается в мир утробный огонь.
Оружие – Крест. Отвага – вошла в пустую ладонь
И вздыбился Конь, и плащ боевой взметнулся, алея.
Честнейшей главе – сиятельный нимб... и что там, над нею? –
Победный венец? Порфира царя? Святая фелонь?

Участник вражды, свидетель побед, - одерживай, Витязь!
До краешка дней, до капли времён, - ни пяди своей
Прекрасной земли... - вцепились в неё когтистые лапы...
Стопы – в стремена надёжно, всерьёз – надолго упритесь:
Бытийствует брань - красна на миру, на лоне полей.
Измучена персть – не ждать, не стенать ужели могла бы.